Джордж Дуглас

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ШОТЛАНДИИ

Джордж Дуглас
Легенды и предания Шотландии

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612615
Легенды и предания Шотландии / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.:
Центрполиграф; Москва; 2008
ISBN 978-5-9524-3622-0

Аннотация

Джордж Дуглас – известный шотландский фольклорист – собрал в этой книге сказки, предания, легенды и басни горной Шотландии. Вы узнаете о гордых кланах горцев, тайнах древних замков, о суровой природе, бросающей вызов отважным людям. В таком противостоянии выковался необыкновенный характер этого народа, а постоянная борьба со стихиями придала оттенок мрачности их мощному воображению. Философия шотландского фольклора отрицает мелкие человеческие чувства, она полна удивления перед непостижимостью мироздания и тайной человеческой души.

Содержание

Предисловие 4
Три зеленых человечка из Глен-Невиса 30
1 30
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Джордж Дуглас
Легенды и предания Шотландии

Предисловие

Лишь сравнительно недавно непритязательные истории, рассказываемые сельскими жителями, стали предметом изучения и к ним начали применяться научные методы и терминология. Несомненно, человеческие знания стали обширнее и богаче, ведь для нас открылась чрезвычайно любопытная область для исследования, и был пролит свет на многие сопутствующие проблемы, зачастую более важные, чем сам предмет изучения. Но разве одновременно с приобретением знаний мы не наносим, благодаря применяемым методам, ущерба самим историям? Классифицированные, табулированные, получившие научные наименования, они уже не те самобытные и свободные произведения самой природы, которые мы знали и любили. Они стали, если можно так выразиться, коллекцией бабочек под стеклом, гербарием, составленным из засушенных листьев и цветов. Нет никаких сомнений в том, что они все еще очень интересны и в высшей степени познавательны, но поэзия, блеск, некий волшебный

аромат, естественность – все это в значительной мере оказалось утраченным. Тогда, должным образом признавая важность трудов ученых фольклористов и мифологов, значение которых я вовсе не собираюсь приуменьшать, разве не можем мы сегодня изучать эти истории с другой точки зрения, самой простой и очевидной – я имею в виду точку зрения *рассказчика?* Хочется верить, что еще не пришло время, когда старые предания, рассматриваемые как интересный рассказ безо всякого научного анализа, утратят свое очарование. Тот факт, что среди нас все еще есть люди, для которых будет настоящей личной потерей, если их заставить поверить, что идеальный герой их детства, героически павший на поле сражения, на самом деле является мифом или аллегорией. Сила ранних ассоциаций чрезвычайно велика, поэтому я предлагаю рассматривать сказки и предания шотландских сельских жителей просто как старинные истории, рассказанные в кругу добрых друзей и знакомых.

Конечно же у многих народов, ведущих примитивный образ жизни, существовало устное народное творчество. Люди из поколения в поколение передавали друг другу сказания, и шотландцы, естественно, не были исключением. Кэмпбелл, писавший тридцать лет назад, утверждает, что в его дни практика устного рассказа еще существовала на отдаленных западных островах Барра, где долгими зимними ночами люди собирались вместе, чтобы послушать тех, кого они считали хорошими рассказчиками. Несколько раньше в

Пулеве (Росшир) существовал такой обычай: молодежь собиралась вечерами, чтобы послушать стариков, которые рассказывали истории, услышанные от их отцов и дедов. Здесь, а в более ранние периоды и в других частях страны, желание людей услышать новый рассказ удовлетворялось путешествующими с места на место коробейниками, бродягами, странствующими музыкантами, артистами и, кроме того, сапожниками и портными, которые привыкли ездить по малонаселенным районам страны, останавливаясь на фермах, где, занимаясь шитьем одежды или обуви, они развлекали хозяев занимательными историями.

Прибытие рассказчика в деревню всегда было важным событием. Как только об этом становилось известно, в дом, где он поселился, начинали стекаться люди, и очень скоро все доступные места – на скамьях, столе, кровати и даже на полу – оказывались занятыми. После этого в течение нескольких часов рассказчик, как знаменитый актер на сцене, безраздельно завладевал вниманием публики. И сам рассказчик, и его слушатели бурно проявляли свои эмоции. Публика могла в один момент находиться на грани слез, но уже в другой – разражаться веселым хохотом. Кстати, многие слушатели твердо верили в правдивость рассказанных историй, которые, вне всяких сомнений, оказали заметное влияние на шотландскую литературу.

Во время своей поездки по островам Кэмпбелл, являющийся для меня непререкаемым авторитетом в подобных ве-

щах, посетил одного из старых рассказчиков. Это был очень старый человек, живший в грубо сколоченной хижине на берегу Саут-Уиста. Кэмпбелл в деталях описал свой визит. В хижине была только одна комната. Очагом служил костер на полу, а дымоходом – отверстие в крыше над ним. Воздух был густым от плотной завесы дыма, а балки украшены гирляндами сажи. Старик владел приемами опытного рассказчика. В нужных местах он делал паузы или посмеивался, словно старый шкипер, и доверительно клал свой морщинистый палец на колени слушателя, переходя к самым ужасным сценам. Рядом со стариком стоял маленький мальчик, одетый в килт, который не сводил глаз с изборожденного морщинами лица и, казалось, жадно впитывал каждое слово. Во время рассказа в хижину зашли трое путников, немного послушали и пошли дальше. Дневной свет скудно струился через дымовое отверстие в крыше, еле освещая немудреную домашнюю утварь, дорожку в голубоватом дыму, и падал на седые волосы и коричневое морщинистое лицо старика, сидевшего на низком табурете у огня. В углах дома и под закопченной крышей клубилась тьма.

Полагаю, теперь можно перейти от личности рассказчика к самим рассказам. Вероятно, самыми характерными шотландскими сказаниями являются истории о героях и великанах. Короткие сказки посвящаются бессловесным животным, которые наделены даром выражать свои мысли. У шотландских горцев таких историй великое множество. Сель-

ские жители, живущие близко к природе, могли понять и оценить характер животных, отнестись с симпатией к их борьбе за существование. Некоторые из нравоучительных басен, в которых воплощены это знание и любовь, определенно содержат параллели с человеческим обществом.

Следующий класс историй демонстрирует более высокий полет фантазии. И не следует предполагать, что воображение не является характерной чертой множества представителей шотландского крестьянства. Возможно, оно проявляется лишь в простейших формах – в именах, которые они дают природным объектам или местам, наделенным какой-то удивительной природной чертой. У горцев гэльские географические названия нередко бывают весьма сложными и тщательно продуманными. Собственно говоря, у жителей равнин тоже. Водопад в холмах Селкиркшира, где вода падает по склону и разбивается в белую пену среди скал, называется Хвостом Серой Кобылы. Два одинаковых холма-близнеца в Роксбургшире с красиво очерченными вершинами были названы Сосками Девы. Перистые облака крестьяне называют «козьей шерстью», явление северного сияния рыбаки Шетлендских островов именуют «веселыми танцорами», Плеяды – «мерцающими», а созвездие Орион с его звездной подвеской, словно свисающей с пояса, – «королевской мерой» или «рулеткой». Вредную пену, которая прилипает к стеблям растений в середине лета, метко прозвали «плевком ведьмы». Я думаю, в этом стремлении давать всему свои на-

звания и есть корни поэзии. Кстати, на шотландских долинах сельские поэты и рифмоплеты вовсе не являются необычным явлением. Не чураются крестьяне, давая названия окружающим их предметам и явлениям, и ссылок на литературу, если точнее, то на единственную книгу, получившую у них всеобщее признание. Например, у рыбаков восточного побережья черная отметина под жабрами трески – это «палец Питера», а крупное растение, обычно встречающееся на кукурузных полях, листья которого покрыты странными туманными пятнами (кажется, у ботаников оно называется Polygonum persicaria), жители приграничья называют «цветком, растущим у подножия креста».

Вероятно, самые яркие мыслители у народа, имеющего и своих философов, и своих мечтателей, находятся среди пастухов-горцев. И главным образом именно благодаря инициативе одного из этих пастухов мы сегодня можем мысленно проникнуть в царство фантазии – страну фей-ри. Джеймс Хогг, пастух из Эттрика, был одним из тех простых людей и вместе с тем гением, которые иногда в истории литературы дают разрозненным мыслям, фантазиям и преданиям постоянную вещественную форму. Ни один человек не писал так блистательно о фейри.

Хогг родился около 1770 года в шотландской Аркадии – Эттрикском лесу, где в фейри верили дольше и сильнее, чем где-либо еще. Когда он был юношей, в его душе загорелся огонь состязания, а зажег его поэт Бёрнс. Бродя со своими

овцами по затерянным в холмах пастбищам, он всегда носил с собой рог с чернилами. Так Хогг научился писать и изложил свое первое стихотворное произведение на бумаге. Считается, что во время одного из своих странствий он однажды уснул на покрытом мягкой травой склоне холма и ему приснилась Килмени, образ которой он навеки сохранил в своем сердце.

История Килмени – это история юной поэтичной девушки, любившей и ценившей уединение, которая как-то раз, гуляя в сумерках, как всегда одна, исчезла в небольшой долине между холмами. Друзья долго искали ее, сначала с надеждой, потом в отчаянии. Но не было найдено ни одного следа. Прошли годы, тайна исчезновения Килмени оставалась неразгаданной, но по прошествии семи лет, в таких же сумерках, она неожиданно вернулась домой. Оказалось, что Килмени была унесена феями, с которыми провела последующие семь лет. Но даже в волшебной стране фейри ее сердце тосковало по дому, и, когда прошло семь лет и феи были больше не властны удерживать девушку против ее воли, она предпочла отказаться от жизни, полной удовольствий, которую вела среди них, и вернулась домой. Таково краткое содержание истории, но это лишь часть поэмы. Ее очарование – в изысканном стиле и мелодичности стиха, в описании сумеречного мира, мира теней – страны, где все забывается, в восхитительном владении словом и удивительно точном выражении чувств. В произведениях пастуха-менестреля из Эттри-

ка тонко и вместе с тем осязаемо присутствуют феи, и можно подумать, что опыт, которым предания наделяют Томаса Рифмача, разделил и этот поэт, живший уже в иное время.

В английских преданиях рассказывается о феях, которых видели на зеленых лужайках в сумерках или при лунном свете, о помощи, оказанной феям смертными людьми, за которую последние были сполна вознаграждены. Аналогичные сказки существуют и у шотландского крестьянства. Но не такие легкие, грациозные и безобидные создания близки по духу гению шотландской нации. Этот гений, по существу, мрачен, хотя и не лишен грубоватого чувства юмора, ему ближе темнота, чем свет. Враждебный характер природы, ее постоянство в сравнении с временным характером человеческой жизни, ее превосходство в непрекращающейся борьбе с ней человека, борьбе, в которой он отстаивает свое право на жизнь, получая временные пустячные преимущества, при этом признавая с самого начала, что ведет неравный бой – все эти факторы, как и бесплодная земля и суровый климат, насильственно навязали особые свойства воображению шотландского народа, и оставили глубокое впечатление. Борьба пастуха за собственную жизнь и жизнь своей отары против силы и холода слепящей метели – более характерная для шотландцев картина, чем видение Джеймса Хогга, заснувшего на зеленом холме и увидевшего сон о волшебной стране.

Суровая природа породила суеверия, а через них опреде-

лила и рассказы шотландского крестьянства. И именно следствием суровости природы стало, вероятно, более сильное, чем у любой другой нации, чувство судьбы и рока, тайны жизни и смерти, жестокости неизбежного, горечи разлуки, тьмы, обволакивающей все. В этом плане шотландцы – нация пессимистов. Они нашли свое призвание свыше в кальвинизме, самой мрачной и страшной из религиозных течений. Дух кальвинизма пронизывает шотландскую мифологию и устное творчество. Шотландцы почитали дьявола и стремились к умиротворению сил зла. Об этом свидетельствует использование «поля хорошего человека», участка земли, расположенного возле деревни, который оставляется невозделанным, поскольку предназначается и посвящается силам зла, в надежде, что их злобность, благодаря этой жертве, уменьшится и они оставят в покое урожай на соседних полях. Миссис Грант из Лаггана дала нам любопытное описание суеверного страха, сопровождающего некоторых шотландцев на протяжении всей жизни, поведав, что в горных районах Шотландии в ее дни хвастовство или поздравление друга считалось «подсудным» делом, а похвала ребенку на руках у няни автоматически навлекала на хвалившего подозрения в злом умысле по отношению к малышу.

Учитывая такие верования, вряд ли стоит удивляться, что шотландцы в своих преданиях весьма искусны в общении с таинственными силами. Их сказки для самых маленьких, во всяком случае многие из них, казалось бы, специально за-

мыслены для воспитания чувства страха в детях, которым их рассказывают. Такие детские «стишки», как «Искушение для девушки», «Мнимый рыцарь и маленький мальчик», «Странный гость», являются в значительной степени мрачными, даже жуткими. В первых двух появляется сам дьявол, но только в других обличьях. Странный гость – это Смерть. Детская баллада «Воркующая голубка» – нежное обращение к ребенку – совмещает жалостливость и зловещие намеки на тайное зло, присутствующие в любой маленькой трагедии. Имеется в виду, что бездетная законная жена некоего мужчины отчаянно завидует другой женщине, которая родила ему ребенка. Ребенок возвращается после дневного отсутствия, и мать расспрашивает его, где он был и что делал. Малыш устал и хочет одного – лечь спать. Но ревнивая женщина упорно продолжает расспросы и спрашивает, чем его кормили. Он отвечает, что ел «маленькую четвероногую рыбу» (тритон, как и жаба, в народных суевериях является зловещим знаком). Женщина спрашивает, что стало с костями этой рыбы. Оказалось, что их отдали собаке. А что стало с собакой? Она съела их и умерла. На этом баллада заканчивается. Ее воздействие многократно усиливается повторяющимся припевом, в котором, в завершение каждого куплета, ребенок с усталой настойчивостью снова и снова повторяет матери свою просьбу. С нашей точки зрения это весьма странная песенка, тем более для маленького ребенка.

Стоддарт уже давно отметил разницу между феями ан-

глийской популярной мифологии и феями шотландцев. Определенно изящная, радостная, игривая раса созданий, любящих веселиться при лунном свете, представителей которой мы встречаем на страницах Шекспира, едва ли ассоциируется с бездушными, похищающими людей порождениями воображения шотландских крестьян. А ведь все они – представители одного семейства. Влияние, оказанное на народные суеверия основами кальвинистской религии, является одной из самых удивительных вещей в шотландском фольклоре. К примеру, вера в фей не прекратила свое существование. Она даже не получила открытого неодобрения церкви, поскольку мы находим случаи, когда священнослужители объединяются со своими прихожанами, чтобы принять меры к возвращению детей, которых феи подменили в колыбели, или таинственно похищенных женщин. А самые любопытные из известных мне сочинений – это памфлет о ясновидении, написанный священником из Тайри, и статья о феях, написанная священнослужителем из Аберфойла. Оба произведения были созданы в XVII веке. Несомненно, оба служителя церкви твердо верили в то, о чем писали, и в обоих случаях вопиющее невежество авторов сравнимо только с авторитетной весомостью и педантизмом стиля. Торжественная лига и Ковенант[1] наложили свой отпечаток даже на

[1] Ковенант – религиозно-политический договор, заключенный между Шотландией и английским парламентом в период английской революции XVII века, оформивший союз двух британских государств и заложивший основу для объединения церквей Англии и Шотландии на базе пресвитерианства. *(Здесь и да-*

представления о феях, что показывает трогательная история о фее и чтеце Библии.

Феи и гротескные, зачастую смешные, но добродушные фигуры – брауни занимают лишь небольшое пространство в шотландской мифологии, особенно если сравнивать их со всевозможными порождениями зла или дурными предзнаменованиями.

Характерный грубоватый юмор, свойственный шотландскому крестьянству, нашел свое отражение почти исключительно в брауни. Это создание – получеловек, обладающий весьма странной внешностью.

> Его голова со спутанными волосами опущена на грудь,
> А длинная синяя борода спускается, как манишка,
> Но блеск его глаз не выразил ни один поэт.

Днем он прячется в дальних уголках какого-нибудь старого дома, который выбрал для жилья, а ночью старается быть полезным семье, к которой привязался. Брауни служит совершенно бескорыстно и при малейшей попытке вознаградить его за труды исчезает навсегда. Коричневый болотник – еще одно из этих сумеречных созданий, но он существо не домашнее. Странники, забредшие на уединенные болота, иногда замечали его коренастую низкорослую фигуру, обычно сливающуюся по цвету с землей или с окружающим вере-

---

лее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

ском. Шелликот[2] обычно живет в воде. Он появляется, украшенный дарами моря – ракушками, которые звенят при движении. Ему хорошо, когда другим плохо. Таким же существом является спанки, уводящий путешественников с дороги. Чудовище Накки-лэйви – морской дьявол Оркнейских островов – более грозная фигура. Верхняя часть его туловища человеческая, а нижняя – конская. Самое страшное в нем – отсутствие кожи, в результате чего его красная плоть открыта для обозрения. Еще можно упомянуть о речной лошади – сверхъестественном существе, которое в облике лошади пасется на берегах Лох-Лохи, а если его потревожить – ныряет в воду. Речной бык появляется из озера, чтобы посетить коровьи пастбища. Некоторые пастухи утверждают, что могут отличить в стаде его телят. Большинство из этих воображаемых существ «водятся» только в Шотландии, и можно только предполагать, как использовал бы их в своих произведениях Шекспир, если бы слышал о них в детстве. Самый хитрый из духов воды – келпи, чье появление обычно предвещает близкую смерть в воде. «Обреченный всадник» – рассказ о келпи, представленный в предлагаемой книге, – прекрасно иллюстрирует фатализм, свойственный шотландским сельским жителям. Иллюстрируя еще одно чувство, впитанное шотландцами с молоком матери, – чувство враждебности природы, поэт Александр Смит весьма умест-

---

[2] Шелликот – ракообразное существо, заманивающее рыбаков на верную смерть.

но приводит следующее стихотворение – диалог между двумя реками.

Сказал Твид Тиллу:
– Что заставляет тебя течь так медленно?
Сказал Тилл Твиду:
– Хотя ты течешь быстро,
А я медленно,
На одного твоего утопленника
Приходится два моих.

Иными словами, стихии – наши враги и воюют с нами не на жизнь, а на смерть.

Но несомненно, самым ценным фактором в устном народном творчестве, если рассматривать его с поэтической точки зрения, является не фантазийный фактор, а человеческий. Он в некоторых случаях проявляется особенно сильно путем непосредственного соседства со сверхъестественным. Я имею возможность привести только один пример. Самым странным, удивительным и непонятным для нас из всех шотландских суеверий является уверенность в том, что умершие периодически возвращаются в свои дома, причем не в виде призраков, появляющихся, как известно, по ночам, а как обычные люди. Они приходят, чтобы в кругу семьи отпраздновать какое-то событие – «поужинать и потанцевать с живыми». Нам трудно понять, как можно поверить в нечто столь невероятное. И тем не менее шотландцы, похоже, в это

верят. С этим верованием связаны две старые баллады, обе удивительно мелодичные и красивые.

Во фрагменте под названием «Старуха из Ашерз-Велла» женщина отправляет троих своих сыновей на море. Но очень скоро она узнает, что все они погибли во время шторма. Обезумев от горя, она вознесла богохульную молитву Небесам, потребовав, чтобы ветер и волны не стихали до тех пор, пока ее сыновья не вернутся к ней такими, какими она их помнила. Ее молитва была услышана, и на нее последовал ответ.

Это случилось в День Мартина,
Когда ночи длинные и темные,
Три сына старухи вернулись домой,
А на их шляпах были листья березы.

Она не росла ни на холмах, ни в долине,
Ни в густом лесу,
У ворот рая
Росла та береза.

Поднявшись до высоты простой, бессознательной, трагической иронии, которая представляется величественной, баллада показывает, как мать готовилась отпраздновать возвращение своих детей. Вне себя от радости от обретения потерянных любимых людей, она стала отдавать приказы служанкам. Был зарезан самый жирный теленок и сделано многое другое, чтобы сделать короткий час радости еще более

счастливым. Стало поздно, и молодые люди захотели отдохнуть. Мать сама постелила им постели. А потом приблизился рассвет, период пребывания юношей в родном доме подходил к концу. Прокричал петух, дав сигнал, что им пора возвращаться.

Прокричал красный-красный петух,
За ним и петух серый.
Старший брат сказал младшему:
– Нам пора возвращаться.

Петух прокричал только раз
И еще не успел захлопать крыльями,
А младший брат сказал старшему:
– Брат, нам пора идти.

Петух прокричал, близится рассвет,
Весь мир просыпается,
А мы должны покинуть наш старый дом,
Как бы нам ни хотелось остаться.

Прощай, наша дорогая мама,
Прощай, наш дом, амбар и коровник,
И прощай, красивая девушка,
Которая поддерживает огонь в очаге.

В этом случае суеверие, касающееся возвращения умерших в своих дома, чтобы навестить друзей, усложняется иде-

ей наказания за богохульство. Но в другой балладе, затрагивающей ту же тему, «Два сына клерка из Оузенфорда», фундаментальная идея проявляется в своей простейшей форме. В других отношениях эти две истории очень похожи. Только во втором случае молодые люди – их было двое – были приговорены к смерти, как и красивые дворяне из «Нельской башни», за любовь, а их возвращение домой было приурочено к Рождеству.

Эти две истории, вероятно, являются самими странными в шотландском народном творчестве, но при этом они содержат отчетливый и глубокий человеческий фактор. Следует заметить, что в обоих случаях возвращение домой умерших приходится на время празднеств – на День святого Мартина в первом случае и на Рождество во втором. В такое время мысли работающих людей отвлекаются от ежедневных забот, а значит, можно дать волю воображению. Не приходится сомневаться, что ежегодное повторение таких «красных дней» календаря с обычными, связанными с ними церемониями и обрядами заставляют с особенной четкостью вспоминать о прошедших годах. По крайней мере, это касается людей, которые ведут простую, монотонную, бедную событиями жизнь. И нет ничего необычного в том, что в такие моменты люди обращаются мыслями к родным и друзьям, которых потеряли за время, прошедшее с предыдущего праздника, вспоминают и много рассуждают о характере, привычках и талантах ушедших. От этого отчетливого мысленного

представления остается сделать всего один шаг и вызвать в воображении их физическое присутствие. Скорее всего, отсюда и возникли эти странные истории и именно отсюда появилась трогательная вера в то, что на Рождество мертвые возвращаются домой, чтобы поужинать и потанцевать с живыми.

Полагаю, приведенных немногочисленных примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать самые удивительные черты шотландских крестьянских преданий. Подводя итог всему сказанному, следующие черты можно считать общими: во-первых, живая и весьма изобретательная фантазия, во-вторых, мощное воображение. В шотландском сельском сказителе, несомненно, есть что-то от Гомера, во всяком случае, это касается его «поэтического видения». И его богатейшее воображение подвержено мрачному влиянию, а душевное равновесие временами нарушается естественными чертами страны, условиями жизни в ней и невеселыми размышлениями, свойственными национальному сознанию. В-третьих, это любовь к человечеству, усиленная пониманием трудностей его судьбы, проявившаяся в остром пафосе. Конечно, в стране, где живут разные народы, такой как Шотландия, общие характеристики сказаний существенно разнятся для разных частей страны. Кельт Западной Шотландии, к примеру, испытывает *пристрастие* к великанам и демонстрирует определенную бессердечность, которой невозможно не удивляться, когда речь заходит о жиз-

ни и невзгодах указанных великанов и их домочадцев. Иначе говоря, великан из сказок Западной Шотландии – всегда «законный» объект нападения, вы не сможете, прибегнув к какой-либо уловке, его перехитрить. Тролли, троу[3], «жители холмов» или «серые соседи» норвежцев с Шетлендских островов имеют собственный характер, отличный от фейри остальной Шотландии, и очень гармонично вписываются в унылый пейзаж своих родных берегов. Снова прибегнув к обобщениям, можно утверждать, что сказания горцев демонстрируют больше неутомимой изобретательности, а сказания жителей равнин имеют более четкий план и демонстрируют глубину понимания человеческого фактора.

Рассмотрим вкратце литературное значение этих сказаний. В этом отношении устные предания шотландского крестьянства имеют определенные преимущества, поскольку богатое месторождение, которым они являются, хорошо разработано современными шотландскими писателями. Вероятно, самой примечательной чертой шотландской поэзии был сначала ее национальный, а в более поздние времена – народный характер. По крайней мере, в настоящее время обе эти черты приобрела и шотландская проза. В действительности, возможно, это не относится, или относится, но с существенными оговорками, к творениям Смоллетта, но после него шотландская проза стала «расти на земле». А шотландцы, которые возделывали поле народных преданий, были да-

[3] Троу – земляные существа из мифологии жителей Шетлендских островов.

леки от того, чтобы насаждать в нем принципы таких писателей, как, например, Мусей, Тик и Ла Мотт Фуке, делая народное предание только основой, на которой базируются их собственные философские или другие конструкции, и часто изменяя его до почти полной, если не до полной неузнаваемости. Также они не работали в духе таких писателей, как Теофиль Готье, который, хотя иногда и использовал народные предания как материал для работы, не заботился о национальном духе, будучи прежде всего стилистом. Готье был чистым художником, простым и независимым, свободным от связей с какой бы то ни было страной, от уз родства, можно сказать, от связей с человечеством. Шотландские писатели, с другой стороны, в первую очередь *объективны,* а затем *национальны.*

Первым в ряду этих писателей, безусловно, стоит сэр Вальтер Скотт. И хотя, в сравнении с другими его произведениями, «Песни шотландской границы» не получили широкой известности, это никоим образом не умаляет их значимости. Конечно, он стал автором большого числа произведений художественной литературы, которые читали и читают во всем мире, но их большая и, я бы сказал, лучшая часть «имеет корни в сердцах людей». И чем больше он удалялся от источника своего вдохновения, тем менее ценными становились его труды. Вальтер Скотт не был выходцем из крестьян, но знал шотландское крестьянство очень хорошо – мало кто может похвастаться такими же глубокими знани-

ями. Он был близко знаком с Томом Пурдисом и Суонстоном, а также поддерживал литературные контакты с Уильямом Лэдлоу и Джозефом Трейном.

Следующими в упомянутом ряду идут еще два писателя, которые были выходцами из крестьянской среды. Это Джеймс Хогг, о котором уже говорилось, и Алан Каннингем. Последний, родившийся в 1784 году, был сыном управляющего поместьем, в котором у Роберта Бёрнса была ферма. Это обстоятельство, безусловно, стимулировало заложенный в нем поэтический дар. Когда юноша подрос, он стал каменщиком. В это время антиквар по имени Кромек был занят собиранием песен Галловея и Нитсдейла – по образу и подобию «Баллад» Перси. Он предложил юному Каннингему собирать для него старые песни. «Честный Алан», как называл юношу его друг Томас Карлайл, не преуспел в этом деле. Правда, неудача его не смутила, и он сам взялся за написание песен и баллад, которые, хотя по природе вещей не могли быть старыми, все же были бы такими же хорошими, а если возможно, то и лучше. Любовь Кромека к Античности не помешала ему включить новые сочинения в свое собрание, решив, что это принесет ему дополнительный доход.

Ему очень понравился вклад своего юного корреспондента в «Песни Галловея и Нитсдейла», и так началась литературная карьера Каннингема. Его «Традиционные сказки английского и шотландского крестьянства», вероятно, являются лучшей из многочисленных написанных им книг, которая

отличается удивительной свежестью стиля, живописностью картин из старой крестьянской жизни и окружающей природы.

Вслед за Каннингемом можно поставить Кэмпбелла, родившегося в 1822 году. Он не был выходцем из крестьян, но хорошо понимал и симпатизировал им. Отлично зная гэльский язык, он исходил весь запад Шотландии и острова, как Джордж Борроу и его персонажи, слушал песни и баллады и записывал их. Поэтому в его произведениях мы находим эти баллады очень близкими к оригиналу.

Есть еще Дуглас Грэхэм, которого называли «шотландским Рабле». Он начал свою карьеру торговцем, со временем стал глашатаем в Глазго. Его magnum opus[4] – детальный рассказ о якобитском восстании, в котором он лично принимал участие. Грэхэму мы обязаны появлением истории об остроумных проделках Джорджа Бьюкенена, королевского шута.

Нельзя не упомянуть и о Роберте Чемберсе, чья известность в качестве книгоиздателя несколько затмила его по праву заслуженную славу писателя, Хью Миллере и многих других. Литература забирает жизнь у предания, а потом бальзамирует мертвое тело. Какие же истории тогда занимают место, как исконно крестьянские сказания, хотя и принадлежат к периоду упадничества, старых историй, содержащих элементы сверхъестественного и утративших доверие? Что ж, есть разные рассказы, не слишком сильно испыты-

---

[4] Выдающееся произведение (лат.).

вающие доверчивость читателей. Ну, например, это повествования о сражениях прошлого и какой-нибудь местной речушке, воды которой три дня после окончания боя имели кроваво-красный цвет. Или рассказы о спрятанных сокровищах: Джок из Хевистока убил английского рыцаря, который похоронен в своих серебряных доспехах недалеко от лагеря Агриколы[5]. Есть еще сокровище, завернутое в бычью шкуру и зарытое где-то на соседнем холме. При этом довольно подробно описывается, как его спрятали два брата во время войны, причем точно в центре между двумя ориентирами, но известен только один из них. Третье сокровище локализовано более определенно. Поле, на котором оно зарыто, хорошо известно. Но если туда придет кто-нибудь с лопатой и начнет копать, небо потемнеет, загремит гром, вспыхнет молния. (Эта история расположена в опасной близости от суеверий.) Есть и другие сокровища, с которыми, даже если на них случится наткнуться, лучше не связываться. Предполагается, что они были зарыты во время чумы, вероятно в качестве жертвы для умиротворения некой высшей силы, и с ними похоронена страшная инфекция. Если сокровища выкопать, эпидемия вполне может разразиться снова. В прибрежных районах место кладов обычно занимают затонувшие корабли с сокровищами. Есть еще истории о таинственных пещерах, куда люди входят и больше никогда не выходят. В одну пещеру такого типа, как утверждают, попал охотник на коне

[5] Агрикола – римский военачальник, наместник Британии.

и свора собак – они преследовали лисицу. Но нет никаких сведений о том, что кто-нибудь из них – лиса, собаки, охотник или конь – оттуда вышел. В другую пещеру вошел дудочник и сгинул в ней вместе со своей дудочкой. Говорят, что у входа в пещеру еще долго можно было слышать музыку. Сначала она была громкой и веселой, потом постепенно стала тише и более меланхоличной и вскоре стихла вовсе. Есть еще истории о подземных ходах огромной длины – иногда их создание приписывают монахам, – соединяющих древние замки или религиозные учреждения. Также существуют современные разновидности рассказов о героях – об их сражениях и приключениях. Самым распространенным является рассказ о необыкновенном прыжке, совершенном героем, уходящим от погони. Есть еще рассказы, характерные для определенной местности. В качестве примера можно привести историю о скептичном деревенском джентльмене, имевшем обыкновение насмехаться над местным священником. Будучи человеком последовательным, джентльмен завещал, чтобы его похоронили в сводчатом склепе, сидящим за столом с длинной глиняной курительной трубкой в зубах. На столе должна стоять бутылка и стакан. Другой нечестивец, промотав все свои деньги и земли, решил свести счеты с жизнью. Для этого он ослепил любимую кобылу и поехал на ней к обрыву. Там он пустил лошадь в галоп и приготовился прыгать вниз. Но на самом краю обрыва слепая лошадь инстинктивно почуяла опасность и сумела отвернуть в сторо-

ну. Он снова попытался заставить лошадь совершить смертельный прыжок, но она снова отказалась. Говорят, что после третьей попытки он понял, как много ошибок совершил, вернулся домой и стал вести праведную жизнь. И наконец, есть истории об убийствах, причем их не следует объединять с бульварными романами, поскольку они никогда не опускались до такого уровня вульгарности. Конечно, в них проливается кровь, причем часто проливается свободно, но одновременно всегда присутствуют такие черты, отличающие их от низкопробной литературы, как фантазия, поэтичность образов и окружающих пейзажей. Все это отличает указанные произведения от бульварного романа и возвышает до уровня поэтической трагедии.

Что можно сказать в заключение? Почему все-таки подобные незамысловатые истории нельзя предать забвению? Они занимают пусть небольшое, но свое законное место в истории развития человеческого разума. Они являются проявлением, в простейших формах, литературных или поэтических порывов, и ничто созданное человеческим разумом и выдержавшее проверку временем, я уверен, не должно быть забыто. Приведем пример из другой области. Антропологи утверждают, что миллионы лет назад в пещере жил дикарь. Он обитал в унылой северной стране среди поросших лесом гор. Он был силен и сметлив. Чтобы обеспечить себя, жену и детей едой, он охотился на диких животных. Нам немногое известно о нем. Но мы точно знаем, что в один прекрас-

ный день ему почему-то пришло в голову сделать рисунок на стене своей пещеры, запечатлеть нечто произведшее на него неизгладимое впечатление. И он создал небольшое изображение оленя, тщательно скопировав очертания его туловища и ветвистые рога. Этого человека, читатель, мы называем человеком палеолита. Его рисунки стали началом истинного искусства. Они сохраняются и продолжают интересовать нас и сегодня, поскольку стали результатом первых, еще робких движений в душе человека двух страстей – Любви к Красоте и Жажды Славы. Контакт с природой делает весь мир одной семьей. Огромное число прошедших веков не мешает нам почувствовать то же, что чувствовал этот первобытный художник. А то, что чувствовал он, в другое время и в другом месте чувствовали и рассказчики из числа шотландских крестьян. Искусство – это не только предметы, выставляемые в музеях, и шотландский крестьянин показал, что чувствует его настолько остро, по крайней мере искусство устного рассказа, насколько позволили развитие и образ жизни.

Джордж Дуглас

P. S. Суть этого предисловия была изложена на лекции в Королевском обществе 29 января 1892 года.

Три зеленых человечка из Глен-Невиса

1

– Говорить больше не о чем; в доме осталась только одна буханка хлеба да еще одна монетка в полпенни, – сказала вдова из Ранноха своим троим сыновьям Дональду, Дугласу и Дункану. – Поэтому вам придется отправиться на поиски счастья, и, если вы его найдете, не забудьте о своей старой матери. Она долгие годы старалась делать для вас все, что было в ее силах.

Дональд, Дуглас и Дункан понимали, что мать права и им следует немедленно отправиться в путь, чтобы вернуться, когда судьба позволит им.

Вдова из Ранноха разделила буханку на четыре части, положила по одной в котомку каждого и оставила одну для себя. Затем она благословила юношей, и они отправились в путь.

Они обратили свои лица к западу, где лежал великий океан. Они надеялись, что сумеют найти там корабль, который отвезет их на юг. Там на далеких землях блестящее золото лежало прямо на земле и ожидало, чтобы его подняли. Они

не хотели идти на восток, где все были так же бедны, как и они. Мальчики это хорошо знали.

Они шли по болоту, и Дональд пел песню, чтобы развеселить Дугласа и Дункана, а когда он устал, Дуглас стал рассказывать историю, чтобы для Дональда и Дункана время прошло незаметно. Когда же история подошла к концу, Дункан уже совсем было приготовился развлекать братьев. Но неожиданно он остановился, схватил их за руки и, подталкивая перед собой к торфяной яме, шепотом попросил спрятаться и не произносить ни слова, ни звука.

– Ведите себя тихо, – сказал он, – я вижу ведьму Бен-э-Брека! Она идет в нашу сторону!

И это действительно была она. Ведьма неторопливо шла по болоту прямо к ним, помахивая своей волшебной палочкой. Когда она шла по воде, вокруг взлетали брызги коричневой пены, когда она перебиралась через торфяник, в стороны отлетали куски дерна и торфа, когда она шествовала по сухой дороге, вокруг нее вились облака пыли, словно сопровождающий ее дух.

Она прошла мимо мальчиков, не подозревая, что совсем рядом затаились человеческие существа. Ведь ребята, вы можете быть уверены, лежали очень тихо и не шевелились до тех пор, пока последние облака пыли не скрылись за склонами Черных гор.

– Это наш шанс, – сказал Дункан, самый младший из братьев. – Старая птица вышла на охоту. Давайте опустошим ее

гнездо.

– Но это же будет воровство! – воскликнул Дональд.

– Воровство? – сказал Дункан. – Да, но воровство украденного. Ты же не знаешь, может быть, мы найдем у нее и наши вещи. Но даже если это не наши вещи, ей они уж точно не принадлежат.

Дункан считался в семье самым умным, и с ним никогда не спорили, хотя он и был младшим. И мальчики молча отправились в Бен-э-Брек.

Им не потребовалось много времени, чтобы добраться до вершины высокого холма, где находилось жилище ведьмы и где до сих пор сохранился ее колодец. Они хотели как можно скорее покончить с делом, ни в коем случае не дожидаясь возвращения хозяйки. Храбрые юноши имели решительные сердца, а небольшой страх, как говорится в пословице, прибавил им по одному пальцу на каждой ноге.

Наверху в хижине было все спокойно. Судя по всему, ведьма отправилась в долгое путешествие. Дверь была заперта, и над трубой не поднимался дымок.

Они вошли в дом, сняв с крыши покрывающий ее дерн. Но внутри не оказалось ничего достойного внимания. Наверняка ведьма хранила все свои ценные вещи не в этом доме.

– Теперь нам надо поискать вокруг, – сказал Дункан, – но прежде я должен провести кое-какую подготовку на случай ее неожиданного возвращения. Я знаю уловки, которые помогут задержать ведьму, даже если она скоро вернется. Про-

сто делайте, как я скажу, и все будет хорошо.

Старшие братья, как обычно, согласились. Как я вам уже говорил, они никогда не осмеливались противоречить Дункану и свято верили в его ум.

– Дональд, полезай на крышу и внимательно осмотри местность на северо-востоке. Дай сигнал, если увидишь, что кто-то приближается. А ты, Дуглас, смотри на юго-запад и делай то же самое.

Братья сделали так, как им сказали.

Хижина ведьмы была построена над колодцем, попасть к которому можно было через проделанный в полу люк, висевший на железных петлях. Увидев это, Дункан своим кинжалом ослабил петли и убедился, что даже совсем небольшого дополнительного веса будет достаточно, чтобы отправить люк и того, кто на нем находится, в воду. Потом он поставил на люк стул ведьмы, к ножке которого привязал прочную веревку. Другой ее конец он набросил на большой железный противень, стоящий в углу. Затем он придвинул стол к стулу и положил на стол большой котел, а также нож и вилку, как будто бесенята приготовили трапезу для своей хозяйки. Потом он набрал дюжину больших камней и сложил их у стены, чтобы были под рукой, если потребуется.

Едва он закончил свои приготовления, как громкий вопль Дугласа предупредил его, что ведьма возвращается, причем очень спешит. Она быстро приближалась со стороны Черных гор. Когда она шла по воде, вокруг взлетали брызги корич-

невой пены, когда она перебиралась через торфяник, в стороны отлетали куски дерна и торфа, когда она шествовала по сухой дороге, вокруг нее вились облака пыли, словно сопровождающий ее дух.

– Быстрее! – закричал Дункан. – Забирайтесь в дом, полезайте в большой котел, стоящий на столе, украсьте головы капустными листьями, закройте глаза, не двигайтесь и не произносите ни слова, тогда все будет хорошо.

Дональд и Дуглас сделали так, как им велел младший брат. Они пробрались в дом через дыру в крыше, прыгнули на стол, забрались в котел, украсили головы капустными листьями и закрыли глаза. А Дункан спрятался за противнем в углу и сжал в руке веревку.

Братья молча ждали, что будет дальше.

Долго ждать им не пришлось. Очень скоро ведьма оказалась у двери, которая распахнулась от прикосновения ее волшебной палочки. На пороге показалась ужасная ведьма. Ее длинный уродливый нос шевелился, с шумом втягивая воздух. Она издалека учуяла запах еды, но не могла понять, откуда он идет.

– Ха-ха! – в восторге крикнула она. – Так это мои бесенята постарались! Вот молодцы, ребята! Это здорово! – И она, отбросив в сторону свою волшебную палочку, взяла нож и вилку и села на стул, стоящий у стола, чтобы насладиться неожиданным ужином.

Но время ужина для нее, как оказалось, еще не наступило.

Когда она опускалась на стул, Дункан изо всех сил дернул за веревку, стул вылетел из-под ведьмы, и она со всего размаху грохнулась на люк в полу. Понятно, что люк сорвался и ведьма вместе с ним полетела в холодную воду колодца.

– Быстрее! – воскликнул Дункан.

Братья спрыгнули со стола, схватили камни, которые Дункан сложил у стены, и стали бросать их на голову ведьмы. Когда же это было сделано, они перевернули стол, накрыли им дыру в полу и навалили сверху все, что смогли достать. В доме не осталось ничего, что они могли бы поднять или сдвинуть. Затем они уселись на груду вещей, которую сами же и набросали, и вытерли вспотевшие лица – работа оказалась нелегкой.

– Нет! Не смей! – закричал Дункан и бросился к волшебной палочке, которая, извиваясь, как змея, ползла к двери. Но зловредная палка не далась ему в руки и, скользнув за порог, скрылась в зарослях высокой травы и вереска, которыми была покрыта вершина холма.

Из колодца не доносилось ни звука, и братья сделали вывод, что со старой ведьмой покончено. Дункан сказал, что, по его мнению, теперь можно не спеша осмотреть все вокруг. Авось да найдется что-нибудь ценное.

Дональд приступил к поискам на северном склоне холма, Дуглас – на южном склоне, а Дункан – на восточном. Идти на западный склон смысла не было, потому что не было и самого склона – у самой вершины начинался крутой обрыв,

идущий до самого подножия холма. Искать там – пустая трата времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.